

Гора Бэйань находилась в пригороде. Всю дорогу они весело болтали и смеялись в карете, так что и не заметили, как оказались у подножия.

У подножия горы уже всю кипела жизнь.

Повсюду сновали толпы учеников. В руках они держали принесенные из дома маленькие бамбуковые корзинки с подношениями, которые полагалось бросать в храме на удачу, и разноцветными мешочками-амулетами с переписанными вручную священными текстами внутри.

— Братец Мянь, Юньшэн, сюда!

Не успели они сойти с повозки, как услышали голос Ли Чжао.

Неподалеку под старой магнолией стоял Ли Чжао, тоже нарядившийся по случаю весны в новые одежды. Полный сил и юношеского задора, он подпрыгивал и махал им рукой.

Девятьсот девяносто девять каменных ступеней вели вверх по склону. По обеим сторонам теснились лавки торговцев: здесь продавали постные лепешки, грушевый отвар, праздничные мешочки для молитв и гадали на судьбу. Подъем в гору напоминал шумную ярмарку.

Запыхавшийся Е Мянь остановился перед воротами Храма Куйюань на самой вершине и смахнул со лба легкую испарину.

— А паршивец Вэнь Сюнь, похоже, заранее знал про эти ступени, потому и не пошел?

В этот день в Храм Куйюань стекались не только ученики Императорской академии Гоцзысюэ, но и воспитанники всех казенных и частных училищ Столицы. Из-за невероятного наплыва людей руководство Императорской академии Гоцзысюэ не обязывало каждого непременно присутствовать: те, кто не желал совершать паломничество, могли остаться дома и отдохнуть.

Вэй Анъюань одолел последнюю ступень, бросил бамбуковую корзину себе под ноги и, тяжело дыша, уперся руками в колени.

— Иначе разве упустил бы этот обжора возможность попробовать все эти лакомства по дороге?
— проговорил он.

Вчетвером они вошли в храм вслед за людским потоком, опустились на колени перед изваянием Куйсина и совершили поклоны. Затем они передали молодому послушнику принесенные в корзинах лонганы, фундук и арахис. Послушник зачерпнул пригоршню и подбросил вверх под своды храма. Одно из арахисовых зернышек упало точно в корзину, стоявшую перед Жуань Юньшэном.

Е Мянь радостно захлопал в ладоши:

— Ого, ничего себе! Похоже, в клане Жуань скоро появится свой таньхуа!

— И правда!

— Ха-ха... Неужто наш Юньшэн решит сдать государственные экзамены?

Друзья принялись весело подшучивать над ним.

Жуань Юньшэн какое-то время задумчиво разглядывал упавший арахис, затем наклонился,

поднял его и спрятал в свой молитвенный мешочек с благовониями. Обернувшись к друзьям, он лукаво улыбнулся:

— Идемте в Усадьбу Таоли, полюбуемся цветами!

На заднем дворе Храма Куйюань располагался сад Таоли, широко известный во времена династии Великая Вэнь. На неровном камне у входа красовалась надпись, начертанная рукой самого Ши-цзу: «Ученики со всей Поднебесной — словно пышно цветущий сад». Она символизировала пожелание ученикам династии Великая Вэнь прославиться на весь мир.

Поскольку символизм этого места был исключительно благоприятным, да к тому же сад находился под благодатным покровительством Храма Куйюань, он превратился в настоящее святилище для учащихся. Ежегодно сюда со всех концов страны съезжались юноши. Они вешали мешочки с молитвами на понравившиеся деревья в надежде увидеть свои имена в золотых списках победителей на экзаменах.

Однако со временем из-за слишком большого наплыва посетителей Усадьбу Таоли закрыли для праздных гуляющих. Несколько лет назад вход туда разрешили только воспитанникам Императорской академии Гоцзысюэ и нескольких других казенных училищ Столицы, а ученикам частных школ и приезжим вход был строго воспрещен.

Е Мян с друзьями предъявили стражникам у входа свои наручные браслеты, и те беспрепятственно пропустили их внутрь.

Шагнув за ворота, Е Мян сразу понял: девятьсот девяносто девять ступеней были преодолены не зря. Он-то думал, что Усадьба Таоли похожа на сливовую рощу при академии — обычный плодовый сад, но здесь его взору предстали извилистые мостики, крытые переходы и живописно разбросанные среди них персиковые и сливовые деревья. Это был изысканный, искусно обустроенный парк.

Время пышного цветения еще не пришло, но ветви уже были сплошь усыпаны розовато-белыми бутонами. Готовые вот-вот распуститься среди свежей зелени, они вдыхали жизнь во весь сад. Одетые в новые весенние наряды юноши неспешно прогуливались по крытым галереям. Кто-то склонялся в поклоне перед ветвью, на которой висел его молитвенный мешочек, а кто-то собирался группками, увлеченно беседа и смеясь.

Едва войдя в сад, Е Мян встретил немало знакомых. Он шел вперед, то и дело обмениваясь приветствиями. Вскоре они заметили нескольких учеников из Двора Цижуй, которые пришли раньше. Увидев Е Мян и его спутников, те принялись громко звать их к себе.

— Е Мян, Анъюань, сюда! — кричал какой-то юноша, забравшись на садовую скамью и размахивая руками. — Мы нашли отличное дерево!

— Живее, живее! Мы караулили его целую вечность, чуть Двору Цидэ не уступили. Табличка у вас? — спросил другой однокашник.

— У меня, не суетитесь, — Е Мян достал из-за пазухи лаковую табличку из черного дерева размером с ладонь. На ней было вырезано: «Императорская академия Гоцзысюэ, Двор Цижуй».

По традиции Императорской академии Гоцзысюэ, каждому двору выдавалась именная табличка из черного дерева. Ученики одного отделения должны были вешать свои молитвенные мешочки на одно и то же дерево. Те, кто не смог прийти, накануне передавали свои мешочки товарищам, чтобы те повесили их вместе с остальными.

Е Мянй присмотрел ветку, усыпанную множеством бутонов, и уже потянулся было повесить табличку, но передумал и отдернул руку.

— И почему вы выбрали сливу? — поинтересовался он.

— А что не так со сливой? Чем она плоха?

Е Мянй покачал головой:

— Да нет, слива хороша, просто персик лучше.

Спрыгнув с веранды, Е Мянй скомандовал:

— Идемте, поищем персиковое дерево!

Юноша, который сторожил сливу, недовольно проворчал:

— Зачем менять? За это дерево дрались сразу несколько дворов, мы его еле отстояли.

— Сказано менять, значит, меняем. Чего ты разворчался? — нетерпеливо оборвал его Вэй Аньюань.

Возразивший было молодой господин тут же прикусил язык и понуро опустил голову.

Е Мянй же благодушно пояснил:

— А вы помните, что сказано в «Книге Перемен»? Знаки Цзы, У, Мао и Ю соответствуют югу, северу, востоку и западу Четырех образов. И когда они пересекаются, расцветает персик.

Все озадаченно уставились на Е Мянй. Ли Чжао тоже не уловил скрытого смысла и спросил:

— Ну и что с того?

А вот Жуань Юньшэн прыснул от смеха:

— «Когда сходятся Четыре Образа, связываются судьбы». Кое-кто пришел сегодня просить вовсе не об успехах в учебе, а о любовной удаче! И не стыдно тебе?

Ли Чжао расхохотался:

— Ха-ха-ха! Так вот оно что, выиграла в ком-то весна!

Только тогда остальные юноши поняли, к чему клонил Е Мянй, и дружно покатались со смеху. Даже Вэй Аньюань отвернулся, пряча улыбку.

— «Персик нежный и юный, пышно цветут его цветы»... Не поверю, что вы сами о женитьбе не помышляете! — Е Мянй был парнем толстокожим, шутки его ничуть не задели. Он лишь добавил в свое оправдание: — Почему бы не попросить и об учебе, и о суженой разом? Здешний храм славится своей благодатью, так что все непременно сбудется!

Его слова задели за живое. В их возрасте, когда сердце еще не познало настоящей любви, юноши то и дело предавались тайным грезам о будущем.

— Идемте, поищем поглубже в саду, там персиков больше!

Компания двинулась по извилистым крытым переходам вглубь сада, но, перейдя деревянный мостик, натолкнулась на преграду.

Е Мянью удивленно уставился на натянутую впереди ширму и стоявших подле нее пожилых служанок.

— А это зачем отгородили? — спросил он.

Жуань Юньшэн с насмешкой посмотрел на него:

— Ты же у нас вроде как о любви замечтал? И такой простой вещи не знаешь?

Е Мянью закатил глаза:

— Какая еще «любовь»? Звучит отвратительно.

Кое-как сдержав смех, Жуань Юньшэн кашлянул и пояснил:

— За ширмой гуляют ученицы женской школы. Они заходят в сад с противоположного входа.

Только из объяснений Жуань Юньшэна Е Мянью узнал, что девятого числа третьего лунного месяца ученицы женской школы тоже приходят в Усадьбу Таоли полюбоваться цветами и помолиться. На ветви персиков и слив они вешают разноцветные шелковые ленты. У каждого цвета свое значение: красный приносит удачу отцам и братьям на службе, зеленый дарует покой и здоровье семье, а розовый сулит встречу с суженым.

Но самое интересное заключалось в том, что если у девушки уже был тайный избранник, она разыскивала в саду табличку его отделения и привязывала свою розовую ленту к ветвям того же дерева. В Столице ходило немало красивых историй о том, как замужние дамы по секрету признавались мужьям, что когда-то повязали для них розовую ленточку.

Е Мянью, разумеется, знал об этом заведении. Оно располагалось по соседству с Императорской академией Гоцзысюэ и полностью именовалось Женской школой Боя. Это было единственное государственное училище в Столице, куда принимали девушек, поэтому со временем все стали называть его просто женской школой. Обучались там исключительно девицы из знатных семей. Его невестка, Цзян Наньчу, в девичестве тоже посещала ее. Говорили, что тамошние наставники ни в чем не уступали преподавателям из Императорской академии Гоцзысюэ. Это в очередной раз доказывало, с каким великим почтением в династии Великая Вэнь относились к наукам и образованию.

Поначалу Е Мянью, как и остальные, присматривал высокое и кряжистое персиковое дерево, но после рассказа Жуань Юньшэна передумал. Он отыскал самое низкое и корявое деревце и повесил на него табличку Двора Цижуй.

На этот раз даже у Вэй Анъюаня дернулся глаз. Не выдержав, он спросил:

— Ты что творишь?

— Зачем вешать так высоко? — Е Мянью с самым серьезным видом привязывал табличку к ветке.
— А вдруг какая-нибудь барышня из женской школы тайно влюблена в кого-то из нас? Если она не дотянется до ветки, ей что, карабкаться кому-то на плечи?